

Л. Ю. МАКАРОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-31(Гончаров И. А.):821.111-31(Беккет С.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8,444+ШЗЗ(4Вел)6-8,444

«ЛЕНЬ» ОБЛОМОВА И БЕЛАКВЫ: К ВОПРОСУ О «ВЛИЯНИИ» И. А. ГОНЧАРОВА НА С. БЕККЕТА

Аннотация. В статье сопоставляются образы Обломова и Белаквы, героев романов И.А. Гончарова («Обломов») и С. Беккета («Больше замахов, чем ударов»). В характерах героев выявляется общая черта - лень, по-разному интерпретируемая писателями. Рассматриваются «предыстории» Обломова и Белаквы, обретающие особое значение в понимании судьбы каждого из героев. В реалистическом характере Обломова «ленью» обозначена склонность к созерцанию, тяготение к жизни в «созданном мире» мечты, дающей представление об идеальном укладе жизни, лишенной пустых хлопот и житейской суеты. За архетипической «ленью» Белаквы скрывается внутренняя противоречивость: герою свойственны отстраненность и жизнь чувств, эмоций, мысли, неподвижность и страсть к передвижениям, переживаемые героем не столько во взаимодействии с миром, сколько в отдалении от него.

Ключевые слова: русская литература, ирландская литература, литературные герои, лень, архетипы, сравнительный анализ.

В 2007 году, спустя почти пятьдесят лет после последнего перевода (1963), Стивен Пирл представил свой перевод романа Гончарова «Обломов»¹. Эта версия, первая в XXI веке, вызвала большое внимание к личности писателя и к его роману, который оставался самым известным из всех произведений И. А. Гончарова в течение долгого времени за рубежом.

Сам писатель критически относился к идее перевода своих произведений на другие языки: по одной из причин, И. А. Гончаров был убежден в том, что в переводе невозможно передать «нравы, местность, колорит слишком национальные, русские, <...> они будут мало понятны в чужих странах, мало знакомых... с русскою жизнью!» [Гончаров 1986: 445]. «Я даже думаю, — сообщал он тому же корреспонденту 24 мая 1878 г., — что не только я и подобные мне, но и такие

¹ Goncharov I. A. Oblomov / translated by Stephen Pearl. New York : Bunim & Vanigan, 2007. 443 p. Это далеко не первая версия английского перевода русского романа: первый перевод «Обломова» появился еще в 1915 г, далее - в 1929 г., 1932 г. и последний в XX веке - в 1963 году.

крупные писатели, как Гоголь, Островский, как исключительно и национальные живописцы быта и нравов русских, почти неизвестных за границей, не могут быть переводимы на чужие языки без явного ущерба достоинству их сочинений. Ибо что, вне этих картин и сцен быта, скажет иностранцам нового и яркого самое содержание их сочинений?» [Там же: 447]. Тем не менее, невзирая на столь сложное отношение автора, в 1860-1870 годы, когда русская литература стала активно переводиться на европейские языки, осуществились переводы всех романов Гончарова. Издание «Обломова» в переводе С. Пирлса вызвало очередную волну интереса в англоязычном мире к творчеству русского автора и к его герою. И, как ни парадоксально, в публикациях, посвященных выходу в свет нового перевода, рядом с именем Обломова довольно часто встречается имя Сэмюэля Беккета.

1938 год, проведенный в Лондоне, Беккет описывал как «период потерянности... апатии и летаргии» [Knowlson 1996]. Во время встреч с одной из знакомых, Пегги Гуггенхейм, начинающей галеристкой и собирательницей авангардного искусства, Беккет узнал о романе Гончарова. Пегги Гуггенхейм читала «Обломова», роман произвел на нее большое впечатление, а образ главного героя запомнился как символ лени и бездействия. В своей автобиографической книге П. Гуггенхейм рассказывает, как была удивлена при встрече с Беккетом, увидев в нем «живого Обломова» из-за особенностей его характера и привычек в тот момент¹ [Guggenheim 1960: 175]. По совету П. Гуггенхейм, Беккет прочитал книгу² и «увидел определенное сходство между собой и странным и неактивным героем [Гончарова]» [Там же]. Одно из писем С. Беккета, адресованное к Пегги Гуггенхейм, было подписано «Обломов», и под этим именем будущий Нобелевский лауреат описан в ее автобиографической книге 1946 года.

Ставшая известной благодаря Пегги Гуггенхейм и подтвержденная биографами Д. Ноулсоном, Д. Бэр, беккетовская история чтения романа Гончарова послужила причиной неоднократных сравнений характера писателя с образом Обломова и поисков русских аллюзий в

¹ Вероятно, П. Гуггенхейм читала роман «Обломов» в переводе, который был выполнен выходцам из России, известными переводчиками, Н. А. Даддингтон (1929) или Д. Магаршак (1932). Перевод Н. Даддингтон считается наиболее точным и верным, так как выполнен по изданию романа 1862 года.

² В биографии Беккета, написанной Д. Ноулсоном, роман Гончарова упомянут в широком списке книг, прочитанных Беккетом в первой половине 1938 года. Это произведения И. Канта, Р. Декарта, С. Джонсона, Ж.-П. Сартра, Л. Стерна, Джуны Барнс, П. У. Льюиса и т.д.

персонажах трилогии беккетовской «Мэллой», «Смерть Мэллоя», «Безымянный» [См., напр.: Frank J. 2007; Pritchett 2011; Webb 1970].

Однако, есть в англоязычном беккетоведении высказывания иного плана, например, суждение Ричарда Эллманна о том, что «Беккет сравнивал себя с другим литературным характером, с Белаквой из [дантевского] «Чистилища», который от лени едва может поднять голову, когда [поэт] обращается к нему» [Ellmann 1970: 163]. Эпизодический персонаж, традиционно соотносимый с «ленью, апатией, нерадивостью», привлек внимание Сэмюэла Беккета, и в 1932-1934 гг. он разработал оригинальную концепцию своего героя на основе архетипа нерадивого. Образ Белаквы Шуа впервые был описан в романе «Мечты о женщинах, красивые и средних», оставшемся незавершенным, а затем герой стал центральным в романе в новеллах «Больше замахов, чем ударов». Белаква Шуа явился самым первым среди беккетовских героев, который мечтает застыть в удобном положении и не двигаться и не думать. Именно поэтому с образом Белаквы, по нашему мнению, интересно сопоставить образ героя русского романа. На первый взгляд, наделенные созвучными именами, гончаровский Обломов и беккетовский Белаква сближаются, благодаря общей черте – склонности к лени и недвижимости. Но что означает лень для каждого из них и насколько Обломов и Белаква тождественны в своем бездействии? Этот вопрос мы и хотим рассмотреть в статье.

В произведениях и Гончарова, и Беккета сюжет начинается в утреннее время, которое становится своего рода экспозицией, раскрывающей сущность характеров Обломова и Белаквы. Первая глава романа Гончарова открывается знаменитым портретом: «мягкость», «бесконечная доброта» и «беспечность», «безразличие», «лень» характеризуют облик Ильи Ильича Обломова. Душа «светится в глазах, в улыбке, каждом движении головы, руки», но при этом поза героя неизменна. Неоднократные попытки подняться с дивана оказываются тщетны: «лежанье у Ильи Ильича... было его нормальным состоянием», которое выражало отказ участвовать в «трогающей», «везде достигающей» жизни и искать выход из затруднений: решать ли судьбу имения, переезжать на новую квартиру или «сводить счеты» [Гончаров 1980: 6, 14]. Дела, движение, труд не являются смыслом жизни для героя: для Обломова, как и для Платона (в конце романа героя так и называют: «Обломовский Платон»), «созерцание прекрасного» является путем достижения истины, знания, мудрости [Лосев, Тахо-Годи 2005: 38-40]. Прекрасным для гончаровского героя является «созданный им мир» и деятельность воображения [Гончаров 1980: 54].

Освобожденный от деловых обязанностей герой погружается в

размышления о «высоких помыслах» и «всеобщей человеческой скорби» или, «воспламенившись», рассуждает о «высшем начале» в человеке, взывает к «милосердию божию» к падшим; «или изберет он арену мыслителя, великого художника». Так в душе Ильи Ильича совершается динамическая внутренняя работа, свидетельствующая о благородном начале в его натуре, о незаурядных способностях и «нравственных силах», потаённых в душе, сменяемых «покоем» и «утомлением» [Там же: 54, 23, 24]. По определению М. В. Отрадина, Обломов «в мечте оказывается демиургом желаемого мира» и настолько сильно его вера в идеал, что идеал «нередко не менее, а порой и более реален, чем эмпирическая действительность» [Отрадин 1994: 99]. «Волнения, мечты» охватывают все существо Обломова, вызывая и слезы, и перемены позы, и «жаркую, усердную молитву», и «покой с равнодушием» [Гончаров 1980: 54-55].

День движется, часы показывают неумолимый ход времени, «прилив беспокойных мыслей» мучает героя, однако «не то дремота, не то задумчивость» одолевают сознание Ильи Ильича [Там же: 31, 45]. Сменяющие друг друга эмоции, чувства тревоги, «сомнений, печали, испуга» в душе героя замирают. Цикл внутреннего оживления и последующего погружения души героя в «апатию или в дремоту» неизменен. Повторяемость устоявшегося жизненного порядка утверждает в душе героя чувство покоя, стабильности и неизменности его собственного мира. Ежевечернее созерцание «любимого светила», небесного представления - «как заходит солнце, как гаснет день» - становится «наслаждением» для героя: «всякое природное явление не несет ему горького чувства утраты», напротив, убеждает в вечности миропорядка [Отрадин 1994: 96].

В затруднении находится и Белаква, читающий «Божественную комедию» Данте и размышляющий над вторым и третьем эпизодами «Рая» в первой новелле беккетовского романа, «Данте и лобстер». В экспозиции выстраивается ассоциативный ряд, в котором происходит отождествление или скорее узнавание Белаквой себя в своем дантевском прототипе: Данте, блистательная Беатриче, объясняющая пятна на поверхности луны. Неоднократно повторяется, что Белаква «запутался», не может двигаться дальше, «крепко увязнув» [Беккет 1999: 5,6]. Но это состояние внутреннего умственного затруднения, в которое погружен герой, его сознание в высшей степени активно в постижении «Божественной комедии». Беккетовский Белаква исследует устройство «Рая», подобно своему предшественнику, вопрошающего друга Данте: «Ты разобрал, как мир устроен, / что солнце влево может повернуть?» [Данте 2002: 270]. Тщетно пытающийся понять происхождение лун-

ных пятен, Белаква словно «входит» в «пространство» «Рая» и становится «прямым» собеседником Беатриче: «Она показывала ему в первом месте, где он ошибался, и затем продолжила свое объяснение» [Beckett 1993: 9] «Ему» – это о Данте, но вместе с ним за логикой Беатриче следит и читающий книгу поэта беккетовский Белаква, ведь он также «ошибается». И Беатриче объясняет происхождение лунных пятен, обращаясь к Данте и наряду с ним к Белакве – герою романа. Но, и для Данте, и для Беатриче этот Белаква не слышим и невидим: Белаква, даже дантевскому, нечего делать в Раю. Он предстает безмолвным наблюдателем, вознесшимся к «лучам Того, Кто движет мирозданье», к «тверди», где поэтом «свет их воспроят», к «вечным высотам» и Беатриче [Данте 2002: 392-394]. Приближение к высшей и далекой истине происходит лишь на одно мгновение.

На Гороховой улице в романе Гончарова время движется, словно в замедленном темпе, с первой до восьмой главы бой часов методично отмечает «исход» петербургского утра. В начальной новелле романа «Больше замахов, чем ударов» заявлен иной характер и движения времени, и его восприятия героем: «утро уходит» и «бой часов» возвещает полдень: для беккетовского героя, как и для Белаквы из Комедии, в мире наступил навсегда полдень: «Солнце уж высоко/ И тронуло меридиан, а ночь / У берега ступила на Марокко» [Там же: 271]. Белаква покидает «Рай»: стремительное мысленное восхождение героя к постижению «непроницаемого пассажа» сменяется таким же быстрым, внезапным возвращением в пространство совсем другое, контрастирующее с «небесами» [Беккет 1999: 6]. Белаква будто входит в «свой» текст, спускаясь по спирали в «тень скалы», и теперь его «наблюдают», «читают» о нем и о его нынешнем мире. Это мир чрезвычайно телесный, наполненный предметами сниженными, бытовыми, и эмоции и чувства героя, соответственно, иного характера. «Мозговую бурю сменяет штиль», во время которого герой обдумывает свои дальнейшие действия. И далее сознание Белаквы балансирует на грани двух миров – небесного и земного. «Во взгляде» Белаквы происходит пересечение разных, противоположных плоскостей: это пятна на лунной поверхности, образ Каина и старая газета на столе с лицом убийцы МакКейба; размышление о высшей небесной справедливости по отношению к грешникам и разделявание хлеба, приготовление тоста на рашпере. Мысленное «кружение» героя вокруг вопроса человеческой виновности и божественного милосердия воспринимается как возвращение беккетовского Белаквы к своему архетипу, к своей прапамяти, в которой живет воспоминание о «позднем вздохе» нерадивого флорентийца.

Оба героя имеют свои предыстории: в книге И. А. Гончарова – это история детства и воспитания героя в главе IX («Сон Обломова»). Вслед за Белаквой в роман С. Беккета входят воспоминания о прошлой «дантовской» «жизни». Шлейф прошлого обретает особое значение в понимании судьбы каждого из героев, как «ключ или увертюра» [Необыкновенная история 200: 131].

В знаменитой IX главе романа Гончарова описывается «чудный край», в который «переносит нас сон Обломова» [Гончаров 1980: 80]. В «Сне Обломова», как признавал сам писатель, важно было «показать, как наши люди превращаются прежде времени ... в кисель – климат, среда, протяжение, захолустье, дремучая жизнь – и еще частные индивидуальные у каждого обстоятельства» [Необыкновенная история 200: 134]. Картина «благословенного места» создана по законам идиллии, как пишет об этом Е. А. Краснощекова, опираясь на бахтинское исследование хронотопа идиллии [Краснощекова 1997: 252-253]: пространство «уголка», спрятанного, отъединенного от просторов других мест, становится убежищем для людей, стремящихся к «тихому и невозмутимому спокойствию»: «все сулит там долговременную жизнь до желтизны волос и незаметную, сну подобную смерть» [Гончаров 1980: 81]. Время движется там «по указаниям календаря», «правильно и невозмутимо совершая годовой круг» [Там же: 82]. В изображении быта и нравов жителей «мирного» края подчеркиваются повторяемость и событийная ограниченность, размеренность и замкнутость, формирующие особый тип личности, приверженного традиционному укладу. Автор подробно описал, как безмятежное и счастливое существование запечатлевается в сознании мальчика Илюши, «пытливый» и «мягкий ум» любопытного, подвижного, резвого ребенка «напитывается живыми примерами и бессознательно чертит программу своей жизни по жизни его окружающей» [Там же: 89]. Постепенно стремление энергично освоить мир у растущего Илюши замещается созерцательным образом жизни, который подавляет заложенные от природы силы и способности и развивает склонность фантазировать и мечтать в духе народных преданий. «Благословенный уголок земли» положен в основу идеала бытия, созданного воображением Обломова, и с высоты этого идеала он оценивает современный «недолжный» мир; вторжения этого мира означают для Ильи Ильича суетность, пустые и бессмысленные хлопоты, разрушающие его внутренний покой, его самого.

Апатия героя «Больше замахов...» получает объяснение благодаря связи, постоянно существующей между беккетовским персонажем и дантевским образом. Герой «Божественной комедии» Белаква, помещенный в Предчистилище в ожидании своего часа для

исповеди и признания в грехах, оказывается среди тех, кто «расположился» в тени огромного валуна, сидит без малейшего движения; герой «объят ленью» и не желает встать для дальнейшего подъема [Данте 2002: 270]. И голос, который Данте слышит прежде, чем увидит самого ленивого героя, и поза его выражают как будто упадок сил, крайнюю степень усталости, изнеможённости: «Он сидел как бы совсем без сил / Руками он обвил свои колени / И голову меж ними уронил» [Там же: 270]. Глагол «уронил» подчеркивает здесь неимоверную тяжесть навалившейся на героя лени, утомившей его. Данте сообщает нам малейшие, тончайшие и незаметные перемены в облике героя, и называет Белакву «родным братом лени»: речь Белаквы неторопливая, с паузами - «вялый слог», как определяет поэт. Герой неспешно и почти незаметно меняет позу, у него утомленный медлительный взгляд: «Он обернулся и, глаза скосив, / Поверх бедра взглянул на нас устало»; / он «поднял голову чуть-чуть, сказав ...» [Там же: 269]. Поза дантевского Белаквы становится символом бесконечной лени как проявления «испорченной природы» человека».

Неслучайно Белаква появляется сразу после разговора Данте и Вергилия, который объясняет Данте устройство Чистилища, подъем по «высокой скалистой стене» [Там же: 269]. Утомленный в своем сидении, Белаква желает услышать вопросы Данте и ответы Вергилия, «промолвить» свое слово о пути, по которому идет поэт. Герой упоминает и о молитвах ближних, которые «помогут» пройти испытания и обрести надежду на блаженство. Все это свидетельствует о том, что есть «движение» в душе «чистилищного» Белаквы.

Проявление душевной активности Белаквы могло быть интересно Беккету как «случайная ошибка», свидетельствующая о контрасте в эпизодическом герое «Божественной комедии». Заданная Данте недосказанность Белаквы, принципиальное отсутствие «объяснения» эпизода способствуют открытому и свободному исследованию образа нерадивого героя в русле модернистской работы с литературным мифом. Белаква Шуа изначально знает о себе, о своих истоках, не расставаясь с «Божественной комедией»; он сосредоточен на себе, углублен в свой внутренний мир. Герой осведомлен о своей лени лучше, чем кто-либо: «природа его греховно ленива, погрязла в праздности». «Лень» – эта та черта дантевского Белаквы, за которой скрывается внутренняя неоднозначность кратковременного собеседника Данте. И беккетовский герой наследует душевную глубину, проявленную лишь на мгновение и обозначенную сдержанными деталями.

В беккетовском герое Белакве мы обнаружим не только неподвижность и отстраненность от мира, но и жизнь чувств, эмоций, мысли и страсть к передвижениям, которые проявляются в герое настолько часто, и внешне и внутренне, насколько он «ленлив», предан нерадивости. Однако, все эти состояния герой переживает не столько во взаимодействии с миром, сколько удаляясь от него. В беккетовской художественной концепции мир понимается как Чистилище, в котором, в отличие от дантевского «срединного мира», подъем вверх, к свету невозможен. Мир обретает форму замкнутой сферы, в которой совершается бесконечное, неостановимое циклическое движение. Как пишет Ю. Уэбб, «здесь нет Бога и нет универсального порядка». «Человек не чувствует себя в мире как дома... Он не может найти понятных примеров в универсуме или в своей собственной жизни» [Webb 1970: 26]. И соответственно бессмысленны вопросы греховности и добродетели, человеческой устремленности к счастью земному и небесному. Единственное, что может произойти с человеком, - это возвращение в исходную ситуацию, к самому себе. Внутренний мир для Белаквы – это и есть тень огромного валуна, убежище, из которого герой начинает свой путь, переходя с уступа на уступ, двигаясь по спирали вверх и вниз, подобно Данте, исследующему космографию Ада, Чистилища и Рая.

От новеллы к новелле Белаква совершает мысленные и реальные странствия по Дублину и окрестностям в непрерывном поиске связей, обретаемых в многоплановом прошлом, в истории мира. В новеллах «Динь-дон», «Дождливый вечер», «Какое несчастье» Белаква мечтает застыть в удобном положении и не двигаться, не думать, не чувствовать своего тела, являющегося «продолжением» абсурдного мира, отягощающего своей уродливостью и болезненностью. В тех же сюжетах момент покоя и неподвижности сменяется энергичными прогулками по городу, сопряженными с путешествием по внутренней вселенной: мировое пространство с глубокой античности предстает пронизанным импульсом белаквиных озарений, соединяющих улицы Флоренции и Дублина, ирландский Нол и итальянскую Нолу, валун в Предчистилище и ступени у памятника Томасу Муру, библейские образы и происшествия в Дублине в начале XX века.

Своеобразные странствия совершает и герой Гончарова. На вопрос Пенкина, спрашивающего Обломова о чтении, герой отвечает: «Я... да все путешествия больше» [Гончаров 1980: 24]. Однако «страницы, на которых были развернуты книги, покрылись пылью и пожелтели; видно, что их бросили давно» [Там же: 7]. И путешествия, в которые отправляется герой, - это все представляемые странствия в сво-

ем «созданном мире». Единственная реальность, признаваемая героем - это «волнения, мечты», в которых Илья Ильич «любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазаревич ничего не значит; выдумает войну и причину ее: у него хлынут, например, народы из Африки в Европу, или устроит он новые крестовые походы и воюет, решает участь народов, разоряет города ...» [Там же: 55]. Мыслимую богатую удачу героя затмевает проект имения, «маленькой колонии друзей», где Обломов планирует жить «безвыездно» и «будет вечное лето, вечное веселье, сладкая еда да сладкая лень...» [Там же: 63]. Картина идиллического бытия венчает все героические помысли Обломова, являясь отражением того образа мира, который запечатлен мальчиком Илюшей, его «пытливым» и «мягким» умом». Эта греза о вечной, «неувядающей» юности, далекая от петербургской жизни героя, на миг приносит ощущение счастья, подобное тому, какое герой испытывал в детстве. Сам Обломов, пребывая на диване, сравнивает свое состояние беззаботности с тем, что чувствует «новорожденный младенец».

Беккетовский Белаква более категоричен в, казалось бы, близкой ему идее вечного младенчества и «неувядающей юности». Отчуждаясь от мира, Белаква отрицает саму идею «рождения человека» и мечтает вернуться в «состояние дорождения», оказаться во тьме и тишине «материнского лона», пребывать в Лимбе, «чтобы ни о чем не беспокоиться, не испытывать ни жары, ни холода. И чтобы не страдать... от чрезмерного потения ночью» [Беккет 1999: 45, 283]¹. Показательной является десятая новелла «Желтое», в которой герой волнуется из-за предстоящей операции и возможных физических мучений. Проснувшись в больничной палате, Белаква пытается оттянуть рассвет, «вливающийся мутным потоком», скрыть за шторами «рассветные тени», «встающее солнце» [Там же: 286, 289]. После мучительных раздумий, преодолев нетерпимость, герой оказывается готовым «подставить себя лучам солнца» и все же не выдерживает зрелища светила, «медленно, но не-

¹ Интересно, что этот образ не забывается в процессе развития творческого метода писателя и возникает в значительно более позднем произведении уже «французского периода» «Как есть» (1959-1960): «спящий вижу себя спящим на боку или на животе одно из двух на каком на правом так лучше мешок под головою или прижат к животу колени подтянуты спина колесом крошечная головка почти уткнулась в колени сжимающие мешок Белаква завалившийся на бок уставший ждать забытый сердцами в которых живет дремлющая благодать» [Беккет 2003: 137].

умолимо выкатывающегося все выше и выше ...». И все же в последние мгновения жизни, в шесть часов утра, после тяжелых раздумий и смятения, в душе героя сглаживается страх перед людьми, исчезает раздражение. Белаква готов «почувствовать себя частью мира», он обретает спасение, в течение последних шести часов своей жизни отвергая депрессию. В это короткое время его новое видение мира созвучно космологии Демокрита, идеям философа о множестве равноправных и разнонаправленных миров, движущихся в беспредельном пространстве. Белаква, прежде сосредоточенный на своей внутренней вселенной, теперь задумывается о других людях; герой заново познает себя и связанный с ним мир, постоянно возвращается к образам памяти, заново переживая чувства, идеи. И, главное, Белаква, думая о прошлом, осознанно проживает настоящее и находится в предчувствии будущего. Спокойствие овладевает героем, он укрощает резкие эмоции, рассматривая путь смирения как приближающий его к миру и спасению самого себя (даже в смысле сохранение жизни). Но само «время, сочащееся по каплям», будто выталкивает героя за пределы земного круга. И, по абсурдному стечению обстоятельств, на операционном столе Белаква засыпает навсегда. Нерадивый герой, «как всегда», не готов к встрече с вечностью: не успевает или забывает покаяться, даже крикнуть «Христос!» Беккетовский герой не в силах уйти от своего архетипа, он навсегда остается Белаквой Шуа. В этом, на наш взгляд, выражается ироничный смысл новеллы и всей жизни героя.

В девятой главе последней части романа Гончарова повествуется о постепенном угасании Обломова, завершающего жизнь в привычном и устоявшемся укладе на Выборгской стороне, в «домике», в «приюте лени и спокойствия», где устройство жизни напоминает мыслимый героем идеал бытия, близкий и к той картине, которая описана во «Сне». Обломов окончательно уверен в том, «что жизнь его не только сложилась, но и создана, даже предназначена была так просто, немудрено, чтобы выразить возможность идеально покойной стороны человеческого бытия». Герой убаюкивает себя, погружаясь в «молчание, задумчивость», «неопределенное, загадочное состояние, род галлюцинации» и будто бы вновь проживает прошлое в «краткие ... мгновения» [Гончаров 1980: 391]. Все реже в глубине души «обломовского Платона» просыпаются и вопросы, и «строгие требования долга и назначения», и «забытые воспоминания», и «неисполненные мечты», и «волнение, раскаяние» [Там же: 387]. Но в последней встрече со Штольцем Обломов произносит слова «с полным сознанием рассудка и воли»: «Не напоминай, не тревожь прошлого: не воротись! ... Что ты хочешь делать со мной? С тем миром, куда ты влечешь меня, я распался наве-

гда... Я прирос к этой яме большим местом: попробуй оторвать - будет смерть» [Там же: 394]. В речи героя обнаруживается трагическое понимание того, что ход времени неумолим и «жизнь никогда не может стать только «пребыванием», потому что она всегда процесс, движение, «становление»», не соотносимые с его идеалом спокойного бытия. «Такое сознание, такой герой неизбежно оказывается в непреодолимом конфликте с жизнью. В этом смысле и можно говорить о трагизме обломовского существования» [Отрадин 1994: 124]. Сон, драма все больше овладевают героем, в «вечном покое» жизненный круг Обломова замедлил движение и «тихо остановился» [Гончаров 1980: 396].

Оба героя проходят своеобразный путь: Обломов - в циклическом движении, во внутреннем проживании идеального бытия; Белаква - в странствиях по спирали истории, по уступам собственной вселенной и чужих миров. В сложных, противоречивых отношениях с миром, в ситуациях сближения и отторжения Обломов и Белаква неизменны в своей сути. Лень, покой, созерцание явились для Гончарова и Беккета теми чертами, которые представляют коренные, родовые свойства человеческой природы. Положив эти характеристики в основу образов главных героев, каждый писатель решал свои художественные задачи, оригинальным путем и в контексте своего времени. В 1860-х гг., в ожидании изменений в русском обществе, И. А. Гончаров на примере судьбы Обломова исследовал возможность совмещения извечного стремления человека к движению и покоя, он хотел понять, может ли созерцательный образ жизни быть действенным в большом мире, ждущем от человека осуществления внутреннего потенциала. В начале XX века к вечной, «априорной идеи» лени обратился С. Беккет в поисках способов преодоления распада мира. Предшествующая литературная традиция для писателя – модерниста явилась началом, организующим пустоту реальности, а «маленький человек» Белаква, чей образ создан на основе дантевского архетипа нерадивого, переживает сопричастность к древнему опыту, привносящему стабильность и устойчивость в современную историю.

ЛИТЕРАТУРА

Беккет С. Больше лает, чем кусает / пер. с англ. А. Панасьева. Киев : Ника-центр, 1999.

Беккет С. Как есть // Никчемные тексты / пер. Е. В. Баевской. СПб. : Наука, 2003.

Гончаров И. А. Необыкновенная история : (Истинные события) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. Ф. Будановой // И. А. Гонча-

ров. Новые материалы и исследования. М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2000. С. 184 - 304 (Лит. наследство. Т. 102).

Гончаров И. А. Обломов. Л. : Изд-во Ленингр. уни-та, 1980. С.5-402.

Гончаров И. А. Очерки. Статьи. Письма. Воспоминания современников / сост., вступ.ст., прим. Т. В. Громовой. М.: Правда, 1986.

Данте Алигьери Божественная комедия / пер. с ит. и коммент. М. Лозинского // Мир Данте. М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Литература, 2002. Т.1. С. 121-529.

Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров : Мир творчества. СПб. : Пушкинский фонд, 1997.

Лозинский М. Комментарии / Данте А. Божественная комедия / пер. с ит. и коммент. М. Лозинского // Мир Данте. М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Литература, 2002. Т.1. С.531 - 680.

Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М. : Мол. гвардия, 1993.

Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994.

Ellmann R. The Collected Works Of Samuel Beckett // The New York Times. 1970. December 27. P.163.

Frank J. Being and Laziness // New Republic. 2007. January 29.

Frank J. Oblomov and Goncharov // *Frank J.* Between Religion and Rationality : Essays in Russian Literature and Culture. Princeton : Princeton University Press, 2010. P.118-129.

Guggenheim P. Confessions of an Art Addict. N. Y. : Macmillan, 1960. P.175. (Цит.по: *Engelberg E.* Solitude and its Ambiguities in Modernist Fiction. N.Y. : Palgrave, 2006. P.204).

Knowlson J. Damned to Fame : the Life of Samuel Beckett. New York : Simon & Schuster, 1996.

Pritchett V. S. Irish Oblomov (Beckett) // Pritchett V. S. The Other Side of a Frontier. A&C Black, 2011.

Webb E. Samuel Beckett : A Study of His Novels / E.Webb. London : P.Owen, 1970. P.26.

REFERENCES

Bekket S. Bol'she laet, chem kusaet / per. s angl. A. Panas'eva. Kiev : Nika-tsentr, 1999.

Bekket S. Kak est' // Nikchemnye teksty / per. E. V. Baevskoy. SPb. : Nauka, 2003.

Goncharov I. A. Neobyknovennaya istoriya : (Istinnnye sobytiya) / vstup. st., podgot. teksta i komment. N. F. Budanovoy // I. A. Goncharov.

Novye materialy i issledovaniya. M. : IMLI RAN ; Nasledie, 2000. S. 184 - 304 (Lit. nasledstvo. T. 102).

Goncharov I. A. Oblomov. L. : Izd-vo Leningr. uni-ta, 1980. S.5-402.

Goncharov I. A. Ocherki. Stat'i. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov / sost., vstup.st., prim. T. V. Gromovoy. M.: Pravda, 1986.

Dante Alig'eri Bozhestvennaya komediya / per. s it. i komment. M. Lozinskogo // Mir Dante. M. : TERRA – Knizhnyy klub; Literatura, 2002. T.1. S. 121-529.

Krasnoshchekova E. A. I. A. Goncharov : Mir tvorchestva. SPb. : Pushkinskiy fond, 1997.

Lozinskiy M. Kommentarii / Dante A. Bozhestvennaya komediya / per. s it. i komment. M. Lozinskogo // Mir Dante. M. : TERRA – Knizhnyy klub; Literatura, 2002. T.1. S.531 - 680.

Losev A. F., Takho-Godi A. A. Platon. Aristotel'. M. : Mol. gvardiya, 1993.

Otradin M. V. Proza I. A. Goncharova v literaturnom kontekste. SPb. : Izd-vo SPb. un-ta, 1994.

Ellmann R. The Collected Works Of Samuel Beckett // The New York Times. 1970. December 27. P.163.

Frank J. Being and Laziness // New Republic. 2007. January 29.

Frank J. Oblomov and Goncharov // Frank J. Between Religion and Rationality : Essays in Russian Literature and Culture. Princeton : Princeton University Press, 2010. P.118-129.

Guggenheim P. Confessions of an Art Addict. N. Y. : Macmillan, 1960. P.175. (Tsit.po: Engelberg E. Solitude and its Ambiguities in Modernist Fiction. N.Y. : Palgrave, 2006. P.204).

Knowlson J. Damned to Fame : the Life of Samuel Beckett. New York : Simon & Schuster, 1996.

Pritchett V. S. Irish Oblomov (Beckett) // Pritchett V. S. The Other Side of a Frontier. A&C Black, 2011.

Webb, E. Samuel Beckett : A Study of His Novels / E.Webb. London : P.Owen, 1970. P.26.